

Коллектив авторов

**Казачий литературно-
общественный альманах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К60

К60 **Коллектив авторов**
Казачий литературно-общественный альманах / Коллектив авторов – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 144 с.

ISBN 978-5-458-77945-6

При участии: А.И. Куприна, А. Ладинского, А.Г. Петрищева, Д.Е. Скобцова,
Н.М. Мельникова, А.П. Маркова, П.Е. Мельгунова и других.

ISBN 978-5-458-77945-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отвѣтитъ запертая дверь,
И незнакомые сосѣди
Услышать крикъ моихъ потерь,
На пустырьъ моихъ наслѣдйй...
А завтра будетъ тотъ же день,
Въ родныхъ мѣстахъ чужія лица,
Все такъ же будетъ колоситься
Вокругъ желтѣющій ячмень.
Вотще тебѣ, моя страна,
Мои скитанья и страданья!
Все такъ же слышно табуна
На зоряхъ радостное ржанье,
И тѣ же мирныя стада
На водопоѣ у колодца
По вечерамъ, и такъ же льется
Въ корыто звонкая вода.
О, какъ ясна моя судьба —
Съ концомъ сливается начало
И мой корабль, — моя арба
Скрипитъ у вѣрнаго причала.

III

Юльскій день. Оврагъ. Криница.
Отъ зноя пересохшій прудъ.
Стреноженная кобылица,
Звеня желѣзомъ крѣпкихъ путь,
Бредетъ на жаркомъ косогорѣ
Въ сухихъ колючкахъ будяка,
И звону путь печально вторитъ
Лѣнивый посвистъ кулика.
О, сонный полдень лѣтней дневки!
И вспомню ль я иные дни,
Подъ грушей лежа на поддевкѣ
Въ неосвѣжающей тѣни,
Когда зоветъ къ глухимъ дремотамъ
Своимъ журчаніемъ родникъ,
И остро пахнетъ конскимъ потомъ
На солнцѣ сохнущій потникъ.

ПРЕДКИ (отрывокъ)

Мы плохо предковъ своихъ знали
Жизнь на Дону была глуха,
Когда прабабка въ пестрой шали,
Невозмутима и строга,
Надѣвъ жемчужныя подвѣски,
Усѣлась въ кресло напоказъ, —
И зрѣлъ ее въ достойномъ блескѣ
Старочеркасскій богомазъ.
О, какъ старательно и чисто
Писалъ онъ смуглое лицо,
И цареградскія монеты,
И съ аметистами кольцо,
И шали блеклые розаны
Подъ кистью ярко расцвѣли,
Забывъ полуденныя страны
Для этой сѣверной страны.
... А вѣтеръ въ полѣ гналъ туманы,
Къ дождю кричали пѣтухи,
Росли на улицѣ бурьяны
И лебеда и лопухи;
Паслись на площади телята
И къ Дону шумною гурьбой
Шли босоногіе ребята,
Ведя коней на водопой;
На берегу сушились сѣти,
Качалъ баркасы темный Донъ,
Несъ по низовью влажный вѣтеръ
Собора скучный перезвонъ,
Кружились по вѣтру вороны,
Садясь на мокрые плетни,
Кизечный дымъ подъ перезвоны
Кадили щедро курени,
Казакъ, чекмень въ грязи запачкавъ,
Гналъ черезъ лужи жеребца
И чернобровая казачка
Глядѣла вслѣдъ ему съ крыльца.

Николай Туровѣровъ

СВѢТЛЫЙ КОНЕЦЪ

Ялта — грязная, пыльная, пропахнувшая навозомъ Ялта — была въ этотъ день такой прекрасной, какой она бываетъ только въ безвѣтренные дни ранней весны. Особенно поражала издали красота тѣхъ пассажировъ, которые толпились на борту громаднаго парохода «Е. И. В. Ксенія», медленно пристававшего къ молу. Многіе изъ нихъ впервые видѣли съ почти чувственнымъ наслажденіемъ эту толпу бѣлыхъ нарядныхъ дачъ, виллъ и дворцовъ, весело и легко взбѣжавшихъ отъ самаго моря къ зеленѣющимъ горнымъ виноградникамъ, эти стройныя группы тонкихъ темныхъ кипарисъ и высокихъ зеленыхъ тополей, и кое-гдѣ такія же стройныя, прелестныя, но еще болѣе воздушныя фигуры минаретовъ. И самое море въ бухтѣ, обычно желто-зеленое отъ грязи, теперь лежало спокойное, густо-синяго цвѣта, все въ лѣнливыхъ темныхъ морщинкахъ, на которыхъ чуть замѣтно раскачивались крутоноссыя турецкія фелюги. И все: могучая синева моря, бѣлизна и зелень города, ясная лазурь неба — все вливалось въ душу какой-то спокойной радостью.

Пароходъ совсѣмъ уже подтянулся къ пристани. Носильщики на берегу ждали лишь приказа капитана зацѣпить сходню за бортъ. Всѣ пассажиры сгрудились на этомъ борту со своими картонками, чемоданами и корзинками, нетерпѣливые и немного обозленные другъ противъ друга, какъ всегда это бываетъ въ моменты прибытія поѣздовъ и пароходовъ.

Внизу, въ салонѣ 1-го класса оставались только три чело-вѣка: князь Атяшевъ, его домашній докторъ Иванъ Андреевичъ и старый лакей Доремидонтъ. Господа сидѣли за столомъ, а Доремидонтъ, почтительный, сѣдой и бритый, стоялъ рядомъ, съ пледомъ и сумками въ рукахъ.

— Ты вотъ что, Доремидонтъ, — говорилъ князь устало. — Ты оставишь пока вещи у горничной... Пусть присмотритъ... А ручной багажъ сложи, вотъ здѣсь, на стулѣ... А самъ пойдѣ впередъ и найми два экипажа...

Одинъ получше, самый лучший, — для насъ съ докторомъ, а другой подъ тебя и подъ вещи... Да возьми у извозчиковъ номера. Иди, иди, а мы подождемъ...

— Иванъ Андреевичъ... не въ службу, а въ дружбу.. за-
творите, пожалуйста, иллюминаторъ,.. кажется, дуетъ. Въ
Ялтѣ вечера всегда сырые... и, кромѣ того, меня малярія пу-
гаетъ.

Но врядь ли ему уже была опасна малярія или другая
какая-либо болѣзнь. Онъ былъ тяжело, безнадежно боленъ
другой, болѣе страшной болѣзнию. Это замѣтилъ бы всякій,
совсѣмъ неопытный и даже мало наблюдательный человѣкъ.
Желто-восковая, чуть глянцевиная кожа совершенно обтянула
костякъ его лица, рѣзко опредѣливъ виски, скулы и челюсти
и оттопыривъ ушныя раковины; растянутыя сухія губы точно
облипли, не закрываясь, вокругъ десенъ, и изъ-подъ нихъ
страннымъ жемчужнымъ блескомъ сверкали влажные зубы,
а среди такихъ же жемчужныхъ широкихъ бѣлковъ сѣрые глаза
глядѣли съ остановившимся выраженіемъ ужаса и недоумѣнія.
Поминутно князь кашлялъ тихимъ, высокимъ, короткимъ сто-
нущимъ кашлемъ, и каждый разъ казалось со стороны, будто бы
онъ съ печалью громко вздыхаетъ: ахъ!.. ахъ!.. И говорилъ онъ
такимъ же глухимъ, высокимъ, стонущимъ голосомъ, съ оста-
новками черезъ каждыя два-три слова. И когда онъ поворачи-
вался въ сторону, чтобы взглянуть на что-нибудь или отвѣтить
на вопросъ, то въ замедленномъ движеніи его головы, въ по-
дозрительномъ и испуганномъ взглядѣ его широко раскрытыхъ
глазъ чувствовалось, что онъ ежесекундно ожидаетъ тайнаго
приближенія какого-то незримаго, жестокаго и безпощаднаго
врага.

Онъ страдалъ злѣйшей чахоткой въ самой послѣдней сте-
пени, и самъ передъ собою, передъ своей душой дѣлалъ видъ,
что боленъ лишь катаромъ верхушекъ легкихъ. Всѣ окружаю-
щіе, а особенно Иванъ Андреевичъ, дружно поддерживали въ
немъ этотъ самообманъ. Никто изъ нихъ, однако, и не подо-
зрѣвалъ, что по ночамъ, лежа безъ сна въ кровати, мокрой отъ
его пота, князь съ нестерпимымъ предсмертнымъ ужасомъ ясно
сознавалъ, что онъ умираетъ, и чувствовалъ, почти видѣлъ, какъ
его грозный врагъ притаился гдѣ-то здѣсь близко, за угломъ,
за портьерой.

Но проходила ночь, наступало утро и вмѣстѣ съ нимъ воз-
вращалась въ душу обманчивая надежда. Князь, еще не вста-
вая съ постели, тревожно смотрѣлся въ зеркало и, съ чувствомъ
радости, не находилъ никакихъ измѣненій въ своемъ лицѣ.

Для него были совѣмъ незамѣтны тѣ неуловимыя черты умирания, которыя наносились каждымъ прожитымъ днемъ и каждой тяжелой ночью.

Онъ жадно, всѣми мыслями и чувствами, цѣплялся за жизнь. Въ послѣднее время онъ приказалъ передѣлать и ремонтировать свой старинный домъ въ Москвѣ и устроить роскошныя оранжереи въ родовомъ имѣннн Атяшево, мечталъ о далекомъ путешествіи вокругъ Африки и Азіи, лелѣялъ въ душѣ мысль о женитьбѣ на одной изъ своихъ кузинъ, прекрасной молодой дѣвушкѣ: когда-то, еще будучи кавалерійскимъ юнкеромъ, онъ танцевалъ съ нею на московскихъ балахъ, и между ними было что-то въ родѣ наивнаго, розоваго, полудѣтскаго романа.

— Не люблю я толпы... Иванъ Андреевичъ, — говорилъ онъ съ трудомъ, своимъ стонущимъ, глухимъ голосомъ, — толкотня... запахъ... и потомъ, Богъ вѣсть, сколько сюда ѣдетъ больныхъ... плюютъ... кашляютъ.

Съ трапа спустился Доремидонтъ и доложилъ, что извозчикъ готовъ, и что вещи уложены. Медленно, шагъ за шагомъ, часто останавливаясь и со стономъ переводя дыханіе, поднялся князь на палубу и спустился на пристань. Доремидонтъ съ материнской заботливостью усадилъ его въ легкій двухмѣстный шарабанъ съ полотнянымъ зонтикомъ наверху, обернувъ его ноги пледомъ, а другимъ пледомъ бережно укуталъ его спину и плечи, и крикнулъ кучеру въ бѣломъ балахонѣ:

— Трогай. Гостиница Лондонъ.

Они поѣхали оживленными ялтинскими улицами, мимо кофейнъ, переполненныхъ смуглолицыми, стройными, крѣпкими турками и греками-рыбаками, мимо дачъ, сплошь затканыхъ голубыми ароматными гроздьями глициній и вьющимися бѣлыми розами, мимо тополей, вдоль по набережной, на которой розовѣли отъ цвѣтовъ широкія кроны мимозы и красовались въ золотоверхихъ шапочкахъ живописные проводники, а докторъ, впервые попавшій въ Крымъ, не могъ сдерживать своего восторга и поминутно восклицалъ:

— Ахъ ты, Боже мой, какая красота! Подумать только, у насъ въ Москвѣ слякоть, грязища со снѣгомъ, а здѣсь чисто рай земной. Ялта! жемчужина Крыма!

Но князю была противна и эта чрезмѣрная роскошь природы и это множество здоровыхъ безпечныхъ людей, густо за-

пѣлявшихъ тротуары, и докторскій паѳосъ. Онъ поморщился и, кутаясь въ свой англійскій пледъ, сказалъ брезгливо:

— Бросьте, дорогой Иванъ Андреевичъ. Просто — нелѣпый, грязный, неустроенный — настоящій, русскій курортъ. Черезъ два дня вы другое запоете.

Подъѣхали къ шикарній Лондонъ-гостиницѣ, обогнули полукругъ цвѣтущаго, наполненнаго розами цвѣтника, и остановились у роскошнаго подъѣзда. Нѣсколько человѣкъ сидѣли снаружи на крыльцѣ, на легкихъ плетеныхъ стульяхъ и съ дорожными пледами, какъ и у князя Атяшева, на колѣняхъ. Они съ лѣнливымъ любопытствомъ глядѣли на пріѣхавшихъ.

Доремидонтъ побѣждалъ доложить. Номера для князя и доктора были заказаны заранѣе, за пять дней. Черезъ минуту изъ дверей подъѣзда выкатился, какъ большой резиновый мячъ, толстый, розовый, подвижной метръ д'отель во фракѣ, съ ослѣпительно-бѣлымъ вырѣзомъ на груди, съ непокрытой головою.

— Съ пріѣздомъ, ваше сіятельство... Давно ждемъ-съ. Самыя лучшія комнаты для васъ освобождены. Видъ на море, солнечная сторона.

Но лицо его сквозь слащавую улыбку говорило другое:

«Господи! Опять принесло чахоточнаго, и опять другіе господа будутъ обижаться. Да и, навѣрно, умретъ у насъ. Возня, бѣготня по коридорамъ... Зато фамилія-то какая знатная. Ничего не подѣлаешь».

Онъ учтиво уже протянулъ руки, чтобы принять князя подъ локти, и князь уже спустилъ одну ногу на подножку экипажа, но вдругъ остановился. Онъ поглядѣлъ на управляющаго подозрительнымъ взглядомъ своихъ огромныхъ жемчужныхъ, пустыхъ и страшныхъ глазъ; казалось, онъ смотрѣлъ не на него, а сквозь него на своего прячущагося тайнаго врага, — и спросилъ боязливо:

— А это... больныхъ у васъ, надѣюсь, нѣтъ въ гостиницѣ? Вотъ этихъ... туберкулезныхъ?

— О, нѣтъ, ваше сіятельство. Такихъ мы принципиально не пускаемъ. У насъ, ваше сіятельство, исключительно великосвѣтская публика, проживающая въ Крыму для чистаго воздуха и для собственнаго удовольствія, а не для болѣзни. Пожалуйте, милости просимъ, ваше сіятельство.

Ночь была теплая, и мѣсяцъ нѣжно сіялъ надъ Ялтой, озаряя въ тихихъ садахъ дремлющія деревья, розовые кусты и

благоухающіе росистые цвѣты. Слышно было издали, какъ стройный оркестръ въ городскомъ паркѣ игралъ что-то гармоничное, задумчивое и нѣжное. Но окна у князя были плотно закрыты и филенки зеленыхъ ставень опущены. Отдаленная музыка раздражала его, каждый звукъ въ сосѣднихъ номерахъ или въ коридорѣ заставлялъ вздрагивать. Онъ самъ сознавалъ, что ему стало хуже: длинная дорога съ ея неудобствами и волненіями совсѣмъ разстроили его. И яснѣе, чѣмъ прежде, онъ чувствовалъ присутствіе въ комнатѣ своего страшнаго непримиримаго врага. Врагъ осмѣлѣлъ теперь, онъ уже не таился больше въ тѣни угловъ и занавѣсей, но, казалось, кривлялъ въ темнотѣ свое безглазое лицо и бормоталъ что-то непонятное, темное, угрожающее. И много разъ въ эту ночь князь освѣщалъ электричествомъ комнату, будилъ стараго Доремидонта, свернувшагося клубкомъ въ передней на кушеткѣ, посылалъ за докторомъ и часто смѣнялъ на себѣ влажныя, холодныя рубашки. Подъ утро, на разсвѣтѣ, онъ велѣлъ Доремидонту сѣсть у себя въ ногахъ на постели и рассказывать сказку. И подъ однообразный мѣрный распѣвъ стариннаго сказанія ему удалось заснуть.

На другой день онъ попробовалъ встать и не могъ, до такой степени онъ сразу обезсилѣлъ. И самый голосъ его измѣнился. Князь уже не говорилъ съ обычными, стонущими вздохами, а шепталъ, и что-бы его слышать, приходилось нагибаться ухомъ къ самому его рту. Испуганный Иванъ Андреевичъ предложилъ пригласить другого врача. Но князь недовольно махнулъ рукой и зашепталъ, прерываясь на каждомъ словѣ: — Оставьте... пройдетъ само... Это я вчера простудился на пароходѣ... во время обѣда. Иллюминаторы... были открыты. Такая небрежность!

Но докторъ настаивалъ. По его словамъ, въ городѣ, на собственной дачѣ, живетъ теперь петербургскій профессоръ Пятницкій — не только русская, но, можно сказать, европейская знаменитость. Онъ въ Крыму никого изъ больныхъ не принимаетъ, но знакомство съ нимъ Ивана Андреевича по университетской скамьѣ, а, главное, титулъ и богатство князя Атяшева должны непременно повліять и на этого избалованнаго чело-вѣка.

— Хорошо, — прошепталъ князь, задыхаясь. — Дѣлайте, какъ знаете.

Знаменитость заставила, однако, дожидаться себя часа

три. Въ этотъ промежутокъ Атяшевъ страшно волновался. Давило на грудь одѣяло, и онъ сбросилъ его, но и матерія легкой батистовой рубашки продолжала тѣснить и угнетать распаленное тѣло. Тогда онъ приказалъ Доремидонту отворить окно. Въ комнату, вмѣстѣ съ крѣпкимъ запахомъ и нѣжными ароматами цвѣтовъ, вторгся веселый уличный шумъ: звуки копытъ, говоръ, дѣтскіе крики, смѣхъ. Но тотчасъ же больной задрожалъ въ жестокомъ ознобѣ и приказалъ закрыть окно.

Наконецъ явился профессоръ Пятницкій — большой, неуклюжий, еще не старый мужчина. Онъ былъ такъ тяжелъ и массивенъ, что, когда ходилъ по комнатѣ, то и мебель и полъ скрипѣли и вздрагивали въ отвѣтъ его шагамъ. Въ немъ сразу чувствовался бывший семинаристъ, по говору на о, по угловатой развязности и шуткамъ; даже по манерѣ сморкаться: клеймо, которое въ людяхъ не вытравить ни время, ни образование, ни общество. Такъ именно о немъ подумалъ по первому взгляду князь Атяшевъ.

— Что, ваше сіятельство, малость порасклеились? Ну, ну, ничего, мы васъ починимъ, — говорилъ онъ ласково-фамиллярнымъ баскомъ, глядя на Атяшева умными, зоркими, темными глазами. — Дайте-ка намъ изслѣдовать ваше тѣло бѣлое.

— Да, вѣдь, все уже извѣстно, профессоръ, — недовольно прошипѣлъ больной. — Катаръ, уплотненіе верхушекъ легкихъ.

Однако, онъ уже снималъ покорно рубашку, но самъ не могъ этого сдѣлать, и ему помогъ Доремидонтъ. Пятницкій очень долго и внимательно выслушивалъ и выстукивалъ князя, а тотъ испуганно дышалъ ему въ начинавшую лысѣть макушку, и видѣлъ, какъ отъ дыханія слабо шевелятся мягкіе волосы пахнувшіе вежеталемъ.

— Что, профессоръ, здоровая простуда? — прошепталь князь, когда Пятницкій, окончивъ осмотръ, укладыввалъ свои инструменты въ боковой карманъ.

Тотъ промолчалъ, но съ серьезнымъ видомъ покачалъ головой.

Атяшевъ безумнымъ, умоляющимъ и испуганнымъ взглядомъ впился ему въ лицо.

— Но надѣюсь... надѣюсь, ничего такого... особенно серьезнаго? А? Профессоръ? А?

— Какъ вамъ сказать... Серьезнаго?.. По-моему, оченьъ серьезно... Да вы не волнуйтесь, князь. Ничего нѣтъ невозможнаго для науки, — цѣдилъ Пятницкій, глядя куда-то подъ низъ комода. — Пропишу вамъ на первый случай камфору. А тамъ, какъ встанете, сейчасъ же въ Ментону, въ Каиръ, въ Давось. Лучше всего въ Давось.

Глаза Атяшева все расширялись и все становились безумнѣе и страшнѣе.

— Докторъ... Иванъ Андреевичъ, — прошепталъ онъ, наконецъ, съ усиленіемъ. — Оставьте насъ вдвоемъ съ профессоромъ. Доремидонтъ, выйди.

— Профессоръ, — зашепталъ онъ однѣми губами, когда тѣ двое вышли изъ комнаты, я васъ хочу спросить... какъ ученаго и очень умнаго человѣка. Видите-ли, я ничего, никогда не боялся, не боюсь и смерти. Я два раза дрался на дуэли, въ первый разъ меня ранили въ грудь, во второй разъ я убилъ. Также я участвовалъ въ двухъ кампаніяхъ: въ бурской — волонтеромъ и русско-японской — у Рененкамфа. Вы видите за мной опытъ. И вотъ, теперь я васъ очень прошу: скажите мнѣ прямо, глядя въ глаза, какъ мужчина и какъ мудрецъ, сколько времени я еще могу прожить? О, прошу васъ, не смущайтесь и не щадите меня... День, два — это меня не испугаетъ. Но у меня есть нѣкоторыя обязательства, которыя... вы понимаете?

Онъ шепталъ, глядя на Пятницкаго широко раскрытыми, умоляющими и страшными глазами, и на углахъ его рта бѣлѣла пѣна, въ груди что-то клокотало, а его худые, тонкіе пальцы жгли и тискали руку профессора.

Всѣ эти разспросы, и безумная мольба въ глазахъ, и внѣшніе симптомы близости смерти извѣстны профессору такъ же хорошо, какъ композитору простая гамма. И неизвѣстно, что съ нимъ случилось: надоѣлъ ли ему пациентъ и захотѣлось поскорѣе отъ него избавиться; сказалось ли въ немъ привычное многолѣтнее равнодушіе къ чужой смерти; хотѣлъ ли онъ сознательно ускорить конецъ, чтобы не длить мученій больного, или, въ самомъ дѣлѣ, страстная просьба князя показалась ему убѣдительною и заслуживающею вниманія. Но онъ нагнулся надъ больнымъ, ласково взялъ его за плечи и, приблизивъ свое лицо къ самому его лицу, сказалъ своимъ теплымъ, мягкимъ голосомъ:

— Я вижу, вы настоящій мужчина. Ну, такъ будьте крѣп-

ки. Вы говорите день, два... Ахъ, если бы такъ! Но я ручаюсь вамъ всего лишь часа за четыре и то съ камфорой и кислородомъ. Поэтому, если вы человѣкъ вѣрующій, пошлите за священникомъ и сдѣлайте ваши послѣднія распоряженія.

Онъ не успѣлъ договорить. Умиравшій мгновенно, конвульсивнымъ толчкомъ, поднялся на постели и плюнулъ ему въ лицо слюной, смѣшанной съ кровью. Профессоръ быстро отскочилъ въ сторону и полѣзъ въ карманъ за платкомъ.

— Подлецъ! Сволочь! Убійца! — кричалъ князь, надрывая послѣдніе остатки голоса. — Убійца проклятый! шарлатанъ и хамъ! Какъ ты смѣлъ? Какъ ты смѣлъ? Разстрѣлять тебя, повѣсить гада...

Онъ закрылъ лицо руками, застоналъ и закашлялся. Въ комнату тревожно одинъ за другимъ входили Иванъ Андреевичъ и Доремидонтъ. И они видѣли, какъ руки князя вдругъ разжались, и онъ самъ тяжело упалъ навзничъ на подушки. Ротъ его полуоткрылся и изъ него съ праваго бока потекла густая, непрерывная алая струя.

А князь въ это время чувствовалъ и слышалъ, какъ къ нему быстро подходитъ тотъ, таинственный и безпощадный врагъ, и чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ свѣтлѣе и радостнѣе становился его неуловимый образъ. И онъ взялъ въ объятія, болѣе нѣжныя, чѣмъ материнскія, душу и тѣло князя, и растворился вмѣстѣ съ ними въ свѣтломъ, безконечномъ, мирномъ сладкомъ снѣ.

— Cadaver, — сказалъ въ этотъ моментъ профессоръ, выпуская руку, по которой онъ слѣдилъ за пульсомъ.

А. Купринъ.